

Федор АБРАМОВ

(ЛЕНИНГРАД)
Мин. изд. 1981, 8 июля, №28

Еще совсем недавно, каких-то 30 лет назад, нам, участникам великой битвы с фашизмом, яростным романтикам и мечтателям, казалось, что мы навсегда покончили с самым страшным злом человечества — войной и что отныне на нашей планете наконец-то наступит вожделенная эра гуманизма.

Увы, этим надеждам не суждено было оправдаться.

Небывалая гонка вооружений, все новые и новые военные очаги, всевозможная политическая и духовная дестабилизация, затемняющая и растлевающая умы людей... Да надо ли перечислять все то, что хорошо известно каждому? Мы живем в такое время, в такую эпоху, когда могут сбыться самые мрачные библейские пророчества, и потому сегодня нет важнее дела, чем объединение всех гуманных, всех духовно активных и миролюбивых сил Земли, о чем с такой озабоченностью говорилось в недавнем обращении Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». И потому сегодня особое, восторженное историческое значение приобретает разговор о литературе, о духовной и нравственной силе слова — этого главного оружия человека даже в наш ядерный век.

Всем хорошо известно, что у нас, как ни в одной другой стране, издается великое множество книг, что у нас самый читающий народ в мире. Но только ли радость вызывает книжный бум, который мы сегодня переживаем? В мире вещей вкус наших людей явно возрос, сегодня никто уже не хочет покупать плохие, некрасивые вещи, тот унылый ширпотреб, которым завалены наши прилавки. А плохие книги, литературный ширпотреб? Не говорит ли перенасыщенность их о не требовательности, о полубообразованности и эстетической глухоте некоторых издателей, критиков и читателей? Хорошая, талантливая книга, хороший, талантливый спектакль, и это старая истина, — редкость. Но всегда ли мы должным образом оцениваем их, всегда ли получаем от них должную информацию самый широкий, массовый читатель и зритель? Стало обычным, когда в литературных докладах, статьях, отчетах в один перечислительный ряд попадают и выдающиеся произведения, и произведения «среднячки», а то и просто однодневки. Происходит нивелировка, уравниловка, лучшее тонет, растворяется в потоке серости. И надо ли говорить, что это заутюживает и даже оглушает читателя?

Много хорошего сделала «Роман-газета», самое массовое наше литературное издание, много выпустила привоклассных книг. И в то же время та же самая «Роман-газета» столько гонит всякой многоверстной макулатуры и серятины, которые на местах нередко принимают чуть ли не за советскую классику! На страницах «Роман-газеты» не нашлось, к нашему стыду, места для «Привычного дела» и «Плотничих рассказов» Василия Белова, этих несравненных жемчужин отечественной литературы.

Величайшее завоевание революци-

римо воевал за нравственную активность человека.

Нравственная активность человека, способность быть верным голосом совести и справедливости — не в этом ли подлинный героизм? Героизм непоказной, некрикливой, который еще мало понят и оценен нами.

В нашей литературе и критике обычно преобладает одностороннее и потому упрощенное понимание героического, когда героя наделяют чуть ли не всеми возможными и невозможными добродетелями и даже сверхчеловеческими качествами. Казалось бы, ясно как божий день: подвиг человека, подвиг народа измерятся масштабом содеянного, мерой жертв и страданий, которые он приносит на алтарь победы. А у нас то и дело слышишь голос перестраховщика: это сгущение красок, это очернительство, это снижение героического облика народа... Да чернят и унижают народ перестраховщики, лжедрузья, те, которые всякого рода ватными прокладками и обертками крутых сюжетов и поворотов истории обесценивают и умаляют народный подвиг!

Мы не имеем права замалчивать, упрощать все сложности и трудности нашего исторического пути. Не объясним мы — объяснят другие, только объяснят по-своему. Мы не скажем своим голосом всей правды, скажут другие «голоса», только скажут по-своему. Писатель по характеру труда своего должен быть смелым, критик — смелым трижды.

Это хорошо, это радует нас, что патристический подвиг нашего народа в минувшей войне все больше и больше увековечивается в мраморе и бронзе. Но нет ли и тут порой некоторого однообразия? Воин-богатырь, воин с горой мышц, но всегда ли в нем выражен богатырский дух, душа человека? Не знаю, кто как, а я давно мечтаю о таком памятнике, в котором был бы явлен солдат-освободитель, каким он был въяве, — самый обыкновенный, самый земной, востал, по завязку хлебнувший всякого военного лица, человек, годами живший в обнимку со смертью и не разучившийся быть человеком.

Не скрою, очень хотелось бы, чтобы и мать-Родина, занесенная в многочисленных мемориалах, приняла бы более земной, более человеческий и, если хотите, даже более национальный облик — облик русской матери, образ матери-украинки, облик

инно-демократической критики — реальная критика, выверка литературы жизнью. Из обычных, примелькавшихся явлений жизни, изображенных в книге, они умели извлечь такую социальную суть, сделать такие столь далеко идущие выводы, что произведение получало новую жизнь, включалось в контекст самых жгучих, самых актуальных проблем современности. «Ася» Тургенева. Банальная любовная история. А что вычитал из нее Чернышевский? Приговор либеральному деятелю своего времени, тьму проблем и вопросов, касающихся русского национального характера.

Понимаю, мы живем в другие времена. И все же где у нас реальная критика? Ведь не считать же за образец оной недавнюю дискуссию на страницах «Литературной газеты» о так называемой деревенской прозе, некоторые из участников которой, похоже, в глаза не видели живой современной деревни, а некоторые, может, и с асфальта-то на голую землю никогда не ступали. А ведь судят, да еще как громогласно!

Сегодняшний читатель жадно тянется к книге, ищет в ней ответы на самые важные, самые большие и трудные вопросы современности. Но всегда ли мы, писатели, даем на них ответ? Всегда ли мы сами на высоте глобальных задач века? И не потому ли люди тянутся к разного рода транквилизаторам и допингам, что не находят духовной поддержки, духовного очищения в слове? Не потому ли такую власть обрели над людьми вещи? Не потому ли и саму-то книгу подчас превращают в окаменелую вещь престижно-декоративного назначения?

За последние годы в литературе нашей сильно повысился интерес к нравственным проблемам, к духовному миру человека с его такими древними, но вечно живыми понятиями, как совесть, доброта, сочувствие, сострадание, милосердие, жалость. И это не случайно, так как все эти понятия долгое время у нас были, мягко говоря, не в почете, нередко зачислялись по департаменту патриархальщины, а то и вовсе третировались.

Да, поворот литературы к вопросам нравственности, души можно лишь приветствовать, тем более что исторический опыт показал, что перестройка, обновление жизни только социальными средствами, не подкрепленные нравственной, душевной работой каждого человека, не могут дать желаемых результатов. Но вот беда наша — омертвевшая крайность: нравственное начинает теснить социальное, гражданское, принимать самодовлеющий характер, а порой даже превращается в моду.

Нравственность вне социального, гражданского, вне насущных проблем жизни, которыми живет страна, народ, партия, нравственность, наконец, вне политики, которая стала одной из самых главных сфер бытия человека XX века, такая нравственность — пустая, безнравственная болтовня.

В иных романах, повестях, пьесах герои часами ведут так называемые высокоинтеллектуальные, высоконравственные, высокофилософские разговоры о творчестве, о смысле человеческой жизни, о необыкновенной любви и при этом не очень вяжущие, стыдливо — о сегодняшнем дне, о действительных болях и заботах, которыми живут страна, народ. Да ведь это душевный стриптиз, игра! Игра в нравственность, игра в интеллектуализм, игра в философствование!

Пора, давно пора повести решительную борьбу с инфляцией, с обесцениванием высоких понятий, вернуть им подлинный смысл и весомость.

В вопросах нравственности нам не мешает почаще вспоминать уроки Льва Толстого, который всю свою жизнь страстно, неистово и неприми-

матери-белоруски, матери-грузинки, матери-казашки и т. д. и т. п.

Прошу понять правильно: я вовсе не против монументальности в монументальной скульптуре. Я только против однообразия, против ложного, пустого монументализма.

Любовь к слову, понимание красоты и силы его закладываются с детства — в семье, в детском саду, в начальной школе. И потому должен быть особый спрос к литературе для малышей, с детских издательств и особенно с хрестоматий, с «Родной речи». К сожалению, «Родная речь» оставляет желать лучшего. Два стихотворения Пушкина для первого класса — не маловато ли?

Классики, классики. И Пушкин, Пушкин — отец наших душ. Это должно быть незыблемой основой всех школьных хрестоматий. Ведь именно классики — связующая духовная нить разных поколений.

В последнее время я получаю много писем от словесников средней школы, и в них один крик, один стон: помогите спасти уроки литературы. Пора всем понять: перегрузка школьника всевозможными предметами и недогрузка его родным словом могут обернуться самыми серьезными последствиями, особенно в наш век всеобщей технизации и усыхания сердца.

Преподавание литературы в школе связано и с подготовкой учителей. А по моему глубокому убеждению, преподавание советской литературы в вузах вызывает еще большую тревогу.

XX век подводит свои итоги, и сделать их обнадеживающими — это зависит и от нас, писателей.

Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове скрыта самая великая энергия, известная на Земле, — энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы, слово двигало народы в борьбе за равенство и братство, подымало на революцию. И сегодня, в век неслыханной, небывалой спекуляции словом, лишь нам, писателям, дано вернуть слову его первоначальную мощь и силу.

События властно требуют гражданского мужества и активности каждого человека. Только силой духовного единства миллионов, всего человечества можно противостоять ядерному безумию и отстоять жизнь на Земле. Так будем же достойны той великой миссии, которую возложило на нас Время. (Аплодисменты).